18+

Надежда Данилова

Банка с вареньем

История о возвращении из руминации к жизни

Надежда Данилова

Банка с вареньем

«Издательские решения»

Данилова Н.

Банка с вареньем / Н. Данилова — «Издательские решения»,

Героиня просила знак. Банка с вареньем разбилась — и это стало началом.Месяцы она пыталась разобраться, что это значит. Писала в блокнот. Ждала. Возвращалась к одному и тому же месту. Искала ответ на один вопрос — а поиск вывел её к другому.Медленный путь. С откатами. С возвратами. Прожитый — и ставший её опытом.Книга не о том, как правильно и быстро. Она про то, как это бывает.

© Данилова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Знак 6
Глава 2. Пустое место 9
Глава 3. Задумчивость 11
глава 4. Признание 13
Глава 5. Вопрос без ответа 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Банка с вареньем

Надежда Данилова

© Надежда Данилова, 2026

ISBN 978-5-0071-6039-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знак

Нина проснулась раньше будильника. В комнате было прохладно. Она лежала и слушала, как тикают часы на стене, и ждала, что вот-вот вспомнит что-то важное. Но не вспоминала.

— Интересно, — подумала, ещё не открывая глаз. — Я только проснулась, а оно уже здесь. Как звучащий утром звонок с заведённого вечером будильника.

Прислушалась к себе. Это чувство не было острым. Оно не било, не кололо. Просто было — как негромкий, но настойчивый звук, который не выключается. Внутри неё, где-то под рёбрами, словно завелась тихая, ровная вибрация.

И это чувство было не от сегодняшнего утра. Оно было и раньше. Как будто что-то в ней уже знало ответ. А она ещё нет.

Несколько последних дней её мысли снова и снова возвращались к одной и той же точке. К одному человеку. К мужчине, с которым они познакомились недавно. С кем они то сближались, то отдалялись. К тем встречам, которые так и не стали чем-то определённым.

Помнила, как он держал чашку — обеими ладонями, будто грелся. Как один раз замолчал, глядя в телефон, и не стал объяснять, над чем. А лицо вспомнить не могла. Только ощущение, что оно было спокойным. И был ещё вопрос, который чувствовался как тёплое пятно под ладонью. Но когда она пыталась ухватить его за хвост, он ускользал. Слишком размытый. Слишком неопределённый. Не могла даже сформулировать его для себя — он был как запах, который чувствуешь, но не можешь вспомнить, откуда.

За окном послышался негромкий звук — и мысль отпустила.

— Хм, — произнесла вслух и улыбнулась. — А что, если мне кто-то или что-то даст какой-нибудь знак? Тогда я сориентируюсь. Пойму — что это всё значит и как мне дальше действовать.

Закрыла глаза и, чуть склонив голову, мысленно обратилась к кому-то невидимому. К тому, кто мог бы видеть целостную картину её жизни — прошлого, настоящего, будущего.

— Я не знаю, как поступить, — прошептала почти беззвучно. — Покажи. Дай мне знак.

И тут же усмехнулась, прогоняя эту затею.

— Какая чушь. Взрослая женщина, почти сорок пять, прошу знак у Вселенной. Наверное, мне просто не хватает событий. Надо заняться чем-то полезным. Сходить за продуктами. Или испечь хлеб.

Встала с кровати, подошла к окну. Было раннее утро. Тихая, безветренная погода. Деревья в нарядах осенних расцветок — жёлтые, рыжие, ещё не опавшие. Она стояла, глядя на них, и дышала ритмом начинающегося дня. Вдох. Выдох. И вдруг, сама, не зная зачем, тихо проговорила:

— Стояла женщина,
в окно она смотрела безнадёжно…
И лишь улыбка на её лице
ей прошептала: всё возможно!

Нина даже удивилась. Строки родились сами собой. Повторила их про себя ещё раз, и что-то дрогнуло внутри. Словно случайно заглянула в чужой дневник — и узнала там свой почерк.

Постояла ещё немного, глядя на луч света, пробивающийся сквозь утреннюю дымку, и продолжила тихо, словно читая с невидимых строк:

— Стояла женщина,
а в небесах луч света пробивался ранний…
В её душе, в её глазах надежда заискрилась.
Тайной…

Ещё несколько мгновений стояла у окна, вдохновлённая этим неуклюжим, но тёплым стишком. Потом умылась прохладной водой, выпила стакан тёплой воды, включила музыку и приступила к утренним делам.

Завтрак прошёл обычно. Каша. Кофе. Лёгкий ветерок из приоткрытой форточки. Ела и думала о том, что надо бы купить новые занавески на кухню. Старые совсем выцвели — сквозь них даже солнце казалось серым. И что в выходные хорошо бы съездить в магазин.

Когда доела, встала. Убрала чашку в раковину. И взгляд упал на банку с вареньем, стоявшую на столе с вечера. Вишнёвое, домашнее. Она варила его ещё в августе, когда было жарко и когда жизнь казалась понятной. Когда ответы на вопросы были ближе.

— Надо убрать в холодильник, — сказала вслух, машинально протягивая руку.

Пальцы сомкнулись вокруг крышки. Банка была тёплой от комнатного воздуха. Она ощутила знакомую тяжесть — полную, плотную, добрую тяжесть домашнего варенья, которое сварила сама. Сделала шаг к холодильнику.

И в следующую секунду банка выскользнула.

Это произошло беззвучно — или она просто перестала слышать. Как будто время включило режим замедленной съёмки. Она видела, как банка, всё ещё целая, падает вниз. Как ударяется о пол. Как в момент удара по ней пробегает трещина — тонкая, молниеносная, а затем сотня других, разбегающихся во все стороны. Тёмно-красное варенье брызгает, растекается лужей, затекает под ножку стола, оставляет липкие, тягучие дорожки на её домашних тапочках.

Нина замерла.

Ноги не двигались. Правая — на полу. Левая — в варенье. Чувствовала, как липкая прохлада просачивается в тапок, между пальцами. И ничего не делала. Как будто если она не пошевелится, то ничего и не случилось. Но варенье уже растеклось. И пахло — слишком сладко, до тошноты.

Услышала своё дыхание. Пальцы не разжимались. Она ещё не смотрела на них, но знала: они сжаты вокруг пустоты. Держат форму крышки.

Через минуту поняла, что чувствует. Удивление. И досаду.
Не страх. Не сожаление. Просто — надо убирать.

На секунду что-то сжалось. Она знала это чувство. Но не стала его разглядывать. Не сейчас.

Перевела взгляд с лужи на свои руки. Пальцы чуть дрожали — мелко, почти незаметно.

Медленно опустилась на корточки. Не за тряпкой. Не за совком. А просто — присела, как ребёнок, и посмотрела на осколки. Один из них, самый крупный, лежал у её тапочка, блестя острым краем. Внутри, на стекле, остался слой варенья — похожий на тонкую красную плёнку.

Подняла глаза. Варенье было повсюду. На стене, у самого плинтуса. На ножке стула. Даже на белой дверце холодильника — маленькие, незаметные капли.

И тут — вспомнила.
«Я просила знак».

Она смотрела на липкое месиво у своих ног.
— Я просила знак, — прошептала. И голос прозвучал тихо, словно боялась, что кто-то услышит. — Боже. Я же просила.
Нина не двигалась. Ей казалось, что она должна сейчас что-то почувствовать. Но внутри было пусто. Только тягучая, тёплая тяжесть — как будто варенье попало не только на пол, но и внутрь неё.

Попыталась поймать эту мысль, развернуть, понять. Но мысль была слишком быстрой и слишком неловкой — как мокрый осколок в руке. И прежде чем она успела осознать её, что-то внутри неё — привычное, рассудительное, взрослое — сработало как предохранитель.
«Стоп. Это всего лишь банка. Стекло. Варенье. Ты сама её оставила на столе. Сама взяла за крышку. Какая глупость — искать знак в собственной рассеянности».

Ещё раз посмотрела на разлитое варенье. На осколки. На липкую лужу под столом.
— Жалко, конечно, — сказала вслух, и голос прозвучал почти нормально. — Но не смертельно. Сварю ещё. У меня же вишня в морозилке есть. Или куплю.
Вздохнула, провела рукой по волосам и зачем-то улыбнулась — коротко, через силу.
— Ладно. Начинаю уборку.
Она шагнула — и тапок чавкнул, выпуская варенье. Посмотрела на него. Сняла. И пошла за совком — босиком.

Вернулась, встала на колени, начала собирать крупные осколки в совок. Они звякали, касаясь друг друга, и этот звук был слишком громким для утренней кухни.
И только когда уже почти закончила, что-то еле слышное прошелестело:
«Ты просила знак. А если ты просто не хочешь принимать этот ответ?»

Осколок в руке блеснул острым краем. Посмотрела на него, потом на тряпку, выжатую над ведром. Вода стала мутно-розовой. Варенье больше не пахло сладко — теперь оно пахло сыростью и мылом.
— Бред, — сказала она кухне. — Просто бред.

Но кухня молчала.

Нина вытерла пол. Выбросила осколки. Проветрила. И когда уже выходила из кухни, обернулась — на то место, где раньше стояла банка.
Смотрела — минуту, может, две.

Ощутила — где-то внутри себя — что-то осталось. То, чему она ещё не знала названия.

Глава 2. Пустое место

Остаток дня прошёл как под копирку.

Сходила в магазин. Купила хлеб, молоко, яйца и зачем-то — шоколадку. Улыбнулась продавщице — она всегда спрашивает про дочку. Сказала, что Юля приезжала. Продавщица кивнула, протянула сдачу.

В лифте соседка сказала, что осень в этом году тёплая.

— Да, — ответила Нина. — Тёплая.

И только поднимаясь на свой этаж, поняла: она не помнит, о чём думала, пока шла от магазина. Как будто эти десять минут выпали. Попыталась вспомнить — и не смогла. Только чувство: будто что-то держала в руках. И оно выскользнуло.

Дома переоделась. Прошла на кухню. Когда резала хлеб к обеду — нож соскользнул. Не порезалась — просто лезвие прошло по пальцу, не оставив следа. Замерла. Посмотрела на палец. Кожа была целой. Но она всё равно стояла и смотрела — секунду, две, три. Потом положила нож и вымыла руки. Вода была ледяной, а она всё стояла. Очнулась, когда пальцы заломило.

Вечером включила сериал. Тот самый, где всё предсказуемо и уютно. Где герои никогда не разбивают банки с вареньем, а если и разбивают — то это всегда к счастью. И казалось — не думала о том, что случилось утром.

Почти.

Замечала, что иногда, потянувшись за чашкой, замирала. Пальцы уже касались ручки — и останавливались. Как будто проверяла, устойчиво ли стоит чашка. Не упадёт ли. Это проходило быстро. Но каждый раз оставляло после себя крошечный, почти незаметный осадок.

В следующие два дня ничего особенного не происходило.

Нина вставала утром, завтракала. Выходила на улицу, возвращалась после работы. Готовила ужин. Слушала новости. Разговаривала по телефону с подругой о пустяках. Смеялась над шутками в сериале.

Но каждый раз, проходя мимо кухонного стола, краем глаза видела пустое место. Отводила взгляд — ей казалось, что если не будет смотреть, то забудет. Что вопрос растворится сам собой, как сахар в тёплой воде.

На четвёртый день она снова стояла на кухне.

Взгляд упал на угол стола. Туда, где раньше стояла банка. Где теперь было пустое место.

И вопрос пришёл — не как удар, а как тихое, вкрадчивое прикосновение.

— А что это было? — произнесла вслух, и голос прозвучал чужим. Удивлённым. Словно не узнала саму себя.

Нина смотрела в пустоту.

«Что значит — разбившаяся банка?»

Она ни разу за эти дни не дала себе ответа. Просто убрала, выбросила, забыла. Или старалась забыть.

А теперь вопрос вернулся. Тихо. Спокойно. И от этого спокойствия становилось не по себе.

Закрыла глаза и заставила себя вернуться в тот миг. Вспомнить все детали, которые тогда отказывалась замечать.

Перебирала в памяти секунды, предшествовавшие падению. Встаёт из-за стола. Убирает чашку. Замечает банку на столе — и рука тянется к ней. Пальцы смыкаются вокруг крышки. Тёплое стекло. Тяжесть. Шаг.

А потом — пустота.

Не помнила, чтобы крышка была откручена. Не помнила, чтобы была неплотно закрыта. Но она и не проверяла. Просто взяла. Пошла. И банка упала.

Снова вспомнила, как осколок в её руке блеснул острым краем. И тогда, на коленях, она подумала: «А если ты просто не хочешь принимать этот ответ?»

Тогда отмахнулась. Назвала это бредом.

И сейчас в тишине ей показалось, что вопрос никогда не уходил. Он просто ждал, пока она устанет убегать.

Посмотрела на пустое место на столе. Поняла, что больше не может притворяться, будто не слышит его. Он был о том, что она так и не решилась назвать вслух.

Вопрос был о нём.

На улице медленно темнело. Осенний вечер опускался на город — серый, спокойный, без резких теней.

Что-то в ней нахлынуло. Не знала, что это. Но не стала отгонять. Она знала: это не уйдёт. Оно будет с ней — завтра, и послезавтра, и сколько — неизвестно.

Взяла телефон. Посмотрела на его имя в списке.

Убрала. Не сегодня.

Нина смотрела, как зажигаются фонари. Один. Потом второй. Потом сразу три.

Провела ладонью по столешнице — там, где стояла банка. Поверхность была холодной. Гладкой. Чужой.

И тут — ладонь сама сжалась. Пальцы подогнулись, будто вокруг чего-то. Она разжала их. Посмотрела. Ничего не было. Только воздух.

Она ещё постояла. Потом выключила свет и пошла в комнату.

На кухне осталось пустое место на столе. И вопрос. Который она больше не отгоняла.

Глава 3. Задумчивость

Редакция маркетингового отдела гудела ровно, как серверная под нагрузкой. Где-то стучали клавиши. В углу дизайнеры спорили о кернинге, а с кухни доносился запах кофе и чей-то смех.

Нина сидела за своим столом, правила текст про новый функционал продукта, и краем уха слушала, как Мария из отдела обучения обсуждала с кем-то по телефону очередной курс для новичков. Голос у неё был бодрый, уверенный. Всегда умела убеждать даже самых скептичных менеджеров.

Через минуту Мария подошла к Нине и тихо спросила:

— Может, сегодня вместе в кафе проведём обед?

Нина с радостью согласилась. Мария была в отпуске, и после возвращения они ещё не успели встретиться вне работы.

Они были знакомы давно. Обе пришли в компанию почти одновременно — молодой специалист по кадрам и копирайтер. Быстро подружились. Мария была замужем, растила двоих детей, а Нина жила одна — её дочь училась в институте в другом городе. Даже при такой разнице в жизненных ситуациях, всегда находили общий язык легко и естественно. Между ними всё было просто.

Дописала абзац, сохранила файл и потянулась. В офисном коридоре кто-то громко обсуждал новый сериал, который смотрели, кажется, все, кроме неё.

— Нина, ты слышала? — К ней подскочила стажёрка Лизка, которая работала в отделе дизайна уже третий месяц. Глаза у неё блестели, а в руках была чашка с чем-то зелёным, подозрительно напоминающим сок сельдерея. — Там говорят, что скоро введут новый проект. И нам нужны будут тексты.

— Лиз, у нас всегда нужны тексты, — усмехнулась Нина. — Что в этот раз?

— Что-то связанное с искусственным интеллектом, — таинственно прошептала Лизка. — Я читала гороскоп, и он сказал, что у меня будет удачный месяц. Вот я и думаю — может, это оно?

Нина с трудом удержалась от комментария. Гороскопы, знаки, синхронистичности. После той банки ей всё это казалось одновременно и смешным, и близким. Она взглянула на Лизку — такую юную, искренне верящую в то, что звёзды могут что-то решать. Но поймала себя на том, что почти завидует этой лёгкости.

— Удачи, — сказала она Лизке. — Если гороскоп обещает — значит, так и будет.

Лизка кивнула и упорхнула. Через минуту из соседнего кабинета донёсся её звонкий голос, обсуждающий цвета для нового баннера.

Нина посмотрела на часы. Обед уже скоро.

Выключила компьютер. Взяла сумку и зонт. Вышла в коридор. Там, у автомата с кофе, стоял главный редактор Вячеслав Сергеевич — мужчина лет пятидесяти, всегда в рубашке с закатанными рукавами, всегда с ироничной улыбкой.

— Нина, у вас сегодня лицо задумчивое, — заметил он, попивая кофе из картонного стаканчика. — Что, тексты не пишутся?

— Тексты пишутся, — ответила она. — Просто задумалась.

— Это опасно, — сказал он. — Задумчивость в нашем деле — первый признак того, что пора в отпуск.

С Вячеславом Сергеевичем всегда было легко — он не лез в душу, но умел сказать то, что нужно. За семь лет работы в редакции она привыкла к его коротким, но точным фразам.

— Может, и правда пора, — сказала она.

Он поднял бровь, но ничего не ответил. Только кивнул и пошёл в кабинет, оставляя за собой лёгкий запах кофе.

Где-то в глубине здания слышались голоса, смех, стук клавиш — привычный ритм рабочего дня.

Нина спустилась на первый этаж и вышла из офиса. Оказывается, дождь уже закончился. Мокрый асфальт блестел под пробивающимися сквозь тучи лучами солнца. В воздухе пахло свежестью и намокшими листьями. Остановилась на секунду, вдохнула этот запах — осенний, прозрачный, чуть горьковатый — и вспомнила, как в детстве они с бабушкой собирали опавшие листья во дворе. Бабушка всегда говорила: «Осень — время подводить итоги, Ниночка. Всё, что наросло за лето, надо собрать и понять, что оставить, а что выбросить…»

Прогнала воспоминание, решив, что сейчас не время для сентиментальностей.

Мария стояла у дерева и разговаривала по телефону. Увидев Нину, она помахала рукой и что-то быстро сказала в трубку. Через секунду телефон исчез в кармане пальто.

— Ну наконец-то! — воскликнула Мария, подходя ближе. — А я уж думала, ты решила остаться без обеда.

— Ты и тут не расстаёшься с телефоном, — заметила Нина.

— Ага. Сказала мужу, что мы с тобой идём в кафе, чтобы он не волновался. Саша у меня — тот ещё контролёр, — ответила Мария и тут же сменила тему. Достала из сумки аккуратный свёрточек из блестящей бумаги, перевязанный тонкой ленточкой.

— У меня подарок для тебя! Это я из отпуска привезла. Там был такой милый магазинчик — изделия местных мастеров. Я сразу подумала о тебе.

Нина взяла подарок в руки, заинтригованно глянула на Марию:

— И что там?

— Откроешь — увидишь, — таинственно улыбнулась Мария. — Но обещаю, тебе понравится. Там такая энергетика — ты любишь такие вещи.

— Благодарю, — искренне сказала Нина, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна. Мария всегда умела делать такие жесты — небольшие, но попадавшие точно в цель. — Ты вообще виртуоз сюрпризов.

Они переглянулись и пошли по мокрому асфальту к кафе. Город после дождя казался особенно ярким. Мимо них промчалась машина, расплескивая лужу так, что они едва успели отскочить в сторону. Хохотали, как девчонки, уворачиваясь от брызг, и через пять минут уже стояли у входа в уютное кафе, откуда пахло корицей и свежей выпечкой.

Вошли внутрь, оставив за спиной шум улицы и разговоры спешащих прохожих. В кафе было тепло и уютно. Играла тихая музыка — что-то джазовое, с мягким саксофоном.

глава 4. Признание

Кто-то за соседним столиком беседовал, а бариста за стойкой приветливо кивнул — узнал постоянных посетительниц.

Выбрали столик у окна, заказали по чашке чая и устроились поудобнее.

— Ну, рассказывай, — сказала Нина. — Что там у тебя в отпуске? Как съездили?

Мария откинулась на спинку стула. Её глаза засветились тепло и молодо.

— Ой, это было чудесно! Море, солнце, никаких забот. Саша даже сказал, что я выгляжу лет на десять моложе.

— Молодец, — одобрительно кивнула Нина. — А как дети?

— Димка снова выиграл по математике, — с гордостью сказала Мария. — Представляешь? Мы даже не ожидали. А Настя… она всё с музыкой. Говорит, что решила поступать в консерваторию.

— Серьёзно? — удивилась Нина. — Это же круто.

— Да. — Мария помолчала. — Я рада за неё. Но внутри бывает какая-то необъяснимая тревога. Не знаю даже, что это. Может, просто возрастное. Или это нормально, когда дети вырастают и всё меньше в нас нуждаются?

— Наверное, нормально, — ответила Нина. — Моя дочка тоже… знаешь, она теперь живёт своей жизнью, и я рада за неё. Но иногда ловлю себя на том, что скучаю по тем временам, когда она была маленькой. Когда я могла её защитить от всего мира.

Мария посмотрела на неё с пониманием, и на мгновение между ними повисла та особая тишина, которая бывает только у близких подруг.

Нина хотела что-то добавить, но в этот момент официант принёс чай, и разговор перешёл на что-то лёгкое — про погоду, про коллег, про новости. Вспоминали забавные истории с работы, дразнили друг друга.

А потом, когда наступила короткая пауза, Нина не сразу отвела взгляд от чашки. На мгновение ей показалось, что снова видит то самое варенье — тёмно-красное, растекающееся по полу. Она сказала, глядя в чашку:

— Помнишь, я рассказывала тебе про мужчину, с которым познакомилась?

Мария подняла бровь:

— Да, помню.

— Я как-то попросила знак, — сказала Нина. И замолчала. Потому что сама услышала — как это звучит. Попросила знак. У кого? У Вселенной? У неба? И что теперь — смотреть в окно и ждать, что кто-то придёт и скажет: «да, это он?»

Она смотрела на чашку, на пар, который поднимался и растворялся. Мария ждала.

— Про наши отношения, — продолжила Нина. — Просто так. В шутку.

Хотела сказать про банку — и не смогла. Как будто это было слишком… личным. Слишком странным. Сама не понимала, почему ей так трудно это произнести.

— И? — мягко спросила Мария.

— И в то же утро у меня из рук выскользнула банка с вареньем. И разбилась, — все же добавила Нина.

Сказала это — и почувствовала, как что-то сжалось в груди. Как будто она только что призналась в чём-то. В чём — сама ещё не знала.

Мария на мгновение застыла с чашкой в руках, а потом рассмеялась — весело, заливисто.

— Банка с вареньем? Это что, теперь новый способ гадания?

— Не смейся, — улыбнулась Нина, но в голосе не было обиды. — Я сама не знаю, что это было. Может, просто совпадение. Но с тех пор я всё думаю: а вдруг это был ответ?

Мария перестала смеяться, но в её глазах всё ещё танцевали искорки.

— Ну и какой ответ?

— Не знаю, — пожала плечами Нина. — Может, никакого. А может, я просто не хочу его принимать.

Она замолчала и отвела взгляд. Хмурилась, глядя в пустоту.

За окном снова начинал накрапывать дождь — мелкий, частый, почти незаметный. Капли стекали по стеклу, искажая очертания улицы.

Мария не торопила её. А потом мягко сказала:

— Знаешь, я, наверное, тебя понимаю. У меня тоже иногда так бывает. Вроде всё хорошо, но вдруг что-то случается — и начинаешь искать в этом смысл. Или оправдание. Или просто повод, чтобы с собой поговорить.

Нина подняла глаза. Мария смотрела тепло, без тени насмешки.

— Да, — чуть слышно сказала Нина. — Наверное, ты права.

Они помолчали.

В кафе было уютно, светло и спокойно. Где-то за соседним столиком звякнула ложка о чашку, и этот звук показался Нине почти домашним.

— Слушай, — сказала Мария, нарушая тишину. — А ты думала когда-нибудь, что эти «знаки» — они не про то, что снаружи, а про то, что внутри? Ну, типа, мы сами их создаём. Потому что нам что-то нужно понять, а мы не можем. И мозг находит способ до нас достучаться.

Нина задумалась. Она никогда не смотрела на это так. Слова Марии отозвались где-то глубоко, будто задели струну, о существовании которой она не подозревала.

— Может быть, — сказала медленно. — Может быть, это я сама себе что-то пытаюсь сказать. Но не понимаю — что.

— Вот и разбирайся, — Мария накрыла её ладонь своей. — Ты умеешь, когда хочешь.

Они допили чай, ещё немного посидели. Разговор перешёл на другие темы — обсудили нового начальника, который появился в соседнем отделе, посмеялись над забавным случаем на корпоративе. А потом разошлись — каждая в свою сторону, каждая со своими мыслями.

Нина вернулась в офис, но работать уже не хотелось. Сидела перед монитором. Открыла файл с текстом, посмотрела на него, но слова не складывались. Перед глазами стояла банка, которая разлетелась на осколки.

Она взяла чистый лист бумаги и написала:

Банка разбилась. Я просила знак. Я получила знак. Но не знаю, что с ним делать. И боюсь, что если пойму, мне придётся что-то менять. А я не знаю, готова ли к переменам.

Пробежала взглядом по записи и на мгновение почувствовала облегчение — будто она выдохнула то, что держала внутри. Потом сложила листок, убрала в сумку и снова начала работать.

Жизнь продолжалась.

Глава 5. Вопрос без ответа

Трудовая неделя закончилась.

Нина сидела на кухне. Резала яблоки для пирога. Нож скользил по кожуре тонкой лентой, и мысли тоже скользили — о погоде, о том, что в выходные надо бы съездить в магазин. Краем глаза она видела занавеску — выцветшую, с ниткой по краю. Надо бы купить новые.

И вдруг она остановилась.

Перевела взгляд на угол стола. Туда, где раньше стояла банка.

И вопрос пришёл — не как удар, а как тихое, вкрадчивое прикосновение. Он уже не был новым. Он был тем же самым. Тем, что она отгоняла все эти дни. Который прятала за чашками с чаем, за работой, за разговорами о погоде.

— А что это было? — произнесла вслух, и голос прозвучал удивлённо, почти по-детски.

Отложила нож, вытерла руки о полотенце и уставилась в пустоту на столешнице. Сегодня она не побежала от этого вопроса.

— Что значит — разбившаяся банка?

Она ни разу за эти дни не дала себе ответа. Отложила эту историю подальше, чтобы вернуться к этому позже.

Вспомнила — тёплое стекло. Тяжесть. Шаг. А потом — пустота в руках. И звук, которого не слышала, но который теперь звенел у неё в ушах каждый раз, когда думала об этом.

«Банка не сорвалась. Она выскользнула. Как будто я сама её выпустила».

Нина никогда не верила в мистику. Она была взрослой, рациональной женщиной, которая знала, что совпадения — это просто совпадения. И всё же впервые за много лет чувствовала себя маленькой девочкой, которая боится темноты, но не хочет в этом признаваться.

— Глупости, — улыбнулась она яблоку на доске.

Посмотрела на руки. Левая ладонь была липкой от сока яблок. И чуть дрожала. Сжала её в кулак. Разжала. Дрожь не прошла.

— Это от кофеина, — сказала себе. И поняла, что врёт. Кофе она сегодня не пила.

Мысли больше не скользили. Они останавливались. Спотыкались. Возвращались к одному и тому же.

Стояла над яблоками. Смотрела на разрез — белый, ровный, — и видела, как он темнеет. Яблоко начинало сохнуть. Знала: если не закончить, придётся выбросить. И всё равно не двигалась.

— Может ли это быть знаком? — произнесла вслух.

Она вздрогнула — от собственного голоса. Взглянула на дверь. Никого.

Потом — как будто со стороны — услышала себя: я спрашиваю это в третий раз. Те же слова. Та же интонация.

И тогда поняла, чего боится. Не вопроса. А того, что ответ всё это время был — и она сама крутится вокруг вопроса. Но что-то её не отпускает.

На стене тикали часы. За окном шуршали шины по мокрому асфальту.

Ответа не было. Но что-то внутри неё сдвинулось. Небольшой сдвиг — будто шкаф в комнате подвинули на сантиметр, и теперь тени падали иначе.

Опустилась на стул. Перед ней стояла чашка с чаем, ещё тёплым. Она взяла её в ладони, согревая пальцы о керамику.

— Зачем я это делаю? — спросила себя. — Я же уже решила, что это случайность. Совпадение. Рассеянность. Почему я продолжаю возвращаться?

Может, ответ и был. Но она не хотела его слышать.

Позволила себе представить ту сцену снова. Банка в руках. Шаг. Падение. В этом не было ничего мистического. Неловкое движение. Могла бы признать это и забыть.

Но почему-то не забывала. Тогда задвинула эту историю подальше. Отгородилась неотложными делами. Заботами.

— Значит, это не просто разбившаяся банка, — сказала тихо.

И внутри что-то шевельнулось. Мысль, которую она отгоняла, вдруг стала чуть более чёткой и ощутимой. Словно кто-то медленно поворачивал линзу, фокусируя изображение.

Её руки сжимали чашку с чаем.

— Что, если я не ищу ответа? Что, если я привыкла крутить эту мысль, как пластинку, потому что так безопаснее? А если остановлю пластинку, то услышу тишину. И в ней — то, что боюсь услышать.

Смотрела в окно. За стеклом — серое небо, ветки уже голых деревьев. Ничего особенного. Но внутри что-то начало проступать. Не ответ. Не озарение. Контур. Как будто она нащупывала в темноте стену.

— Это не про знак, — прошептала. — Это про контроль. Всё идёт не так, как мне бы хотелось. Я прошу знак, потому что не чувствую, что всё в моих руках.

«Банка — это вместилище. А варенье — это то, что я сварила и упаковала. Попыталась сохранить. Может как свой прошлый опыт? Надежды. Свою готовность ждать, пока всё не станет удобным и предсказуемым».

Снова вспоминала о том, как содержимое разлетелось, оставляя пятна на холодильнике, на стене. Липкая лужа под столом.

Неожиданно для себя поняла, что это не варенье. Что это — она сама. Её жизнь. Её чувства. Всё, что она так долго держала в себе, закрытое, законсервированное, спрятанное за крышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.